

ПОСЛЕДНИЙ МАГ ИМПЕРИИ

АНТОН ЩЕГУЛИН

Антон Щегулин

Последний маг Империи

<https://litres.ru/74656069>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я последний представитель рода Евграфовых.

Мой дед когда-то был тайным советником Императора, но всё изменилось.

Я остался один, а письма о долговых обязательствах появляются каждый день.

Враги рода не спят и пытаются уничтожить остатки бывшего величия моей семьи. Скоро и лично до меня доберутся, лишь бы повод подвернулся.

Ещё и это странное письмо алого цвета от неизвестного отправителя, сулящее мне решение всех проблем, если приеду в нужное место.

Ловушка или возможность всё изменить?

Содержание

Глава 1: Тайное письмо	4
Глава 2: Расколотая луна	26
Глава 3: Диана Орлова	45
Глава 4: Тайная фабрика	66
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Антон Щегулин

Последний маг Империи

Глава 1: Тайное письмо

Началось моё утро с письма от поклонницы из знатного рода. Звали её Лизой, а написала она довольно эмоциональное письмо.

«Дорогой, Павел Андреевич, даме моего положения подобное не дозволено. Поэтому никому не сообщайте об этом письме, молю.

Но тяжело сдержаться после такого званого ужина. Вы были любезны, приятны в общении, обходительны, а самое главное — искренни и откровенны со мной.

Я это очень ценю.

Ко всему прочему вы прошли войну! Стрелком. Это безумно опасно и впечатляет. Я даже представить не могла, как страшно пройти через подобное.

При этом вы полны сил, уверенности и игривого блеска в глазах. Я подумала, что вы лукавите, но потом вы показали этот ужасный ирам на вашей руке...

Спасибо вам за этот вечер, надеюсь, вы ещё порадуете нас своим визитом?

С симпатией, Елизавета Водопьянова».

С симпатией? Сильно. Я улыбнулся кончиком губ.

Скукотища. Таких писем на неделе я получаю по две, три штуки. Тем не менее, читать приятно. Они действительно жаждут моего общества. Проблема во мне. Я желаю оказаться в их обществе далеко не всегда.

Впрочем, иногда томные вечера полезно скрасить. Тогда я отвечал на одно из подобных писем.

Как выглядели дамы, я плохо запоминал, поэтому приходилось ориентироваться по почерку. Самые страстные и любвеобильные, как правило, имели совершенно дурной почерк, напоминающий танец пьяной козы.

А отличницы хорошистки, конечно, нежны и приятны, но не более того.

Я бросил бумагу в сторону, она плавно приземлилась на пол. Софья потом подберёт и сложит аккуратно в стопочку.

И стоило мне только подняться на кровати, как утро с каждым мгновением становилось всё более мерзопакостным.

Когда я спускал ноги, то наступил на осу. Почувствовал укол в пятке и чертыхнулся от неожиданности. Посмотрев вниз, понял, что чертовка раздавлена, но легче от этого не становилось.

Затем я взял портсигар, что лежал на прикроватной тумбе и обнаружил, что папиросы закончились.

А утро без папиросы — день насмарку. Куда они могли запропаститься? Вчера же вечером целых три штуки остава-

лось.

Ко всему прочему я ударился мизинцем, когда хотел обойти кровать и раздвинуть шторы. Моя ругань эхом отразилась от голых стен приёмной.

Картина, висевшая на дальней стене, с грохотом упала. Последняя, картина, что оставалась на стенах имения. Подойдя к ней, я осознал, что оборвалась толстая стальная проволока.

Вот так новости. Ещё до моего рождения висела, а тут вдруг взяла и упала?

Но это всё мелочи. По-настоящему я погрузился в клоаку напряжения во время необычного ночного события.

Июньские ночи были поистине жаркими, поэтому приходилось распахивать шторы и открывать окна настежь. Что, впрочем, не спасало.

Очнувшись от жары, я осознал, что чёртова луна стоит прямо надо мной и светит в лицо. Сначала решил просто задвинуть шторы, но через мгновение прислушался.

Снаружи доносился странный звук, который превращал безмятежную, тихую ночь в напряжённую и пугающую.

Словно ребёнок языком делал «цок-цок». Затем звук сменился скрипом гвоздя по стеклу. И снова: цок-цок, цок-цок.

Я взял револьвер, что у меня лежал в прикроватной тумбе, проверил патроны в барабане. Не знаю, на что я рассчитывал. Если это и правда был ребёнок, буду ли я стрелять? Нет, конечно. Но инстинкт самосохранения приказал взять

револьвер.

На моём балконе никого не оказалось. А значит, странное явление за его пределами. На первом этаже. Я посмотрел вниз и увидел очень странную картину.

Огромное зеркало в серебряной раме лежало прямо в траве рядом с домом. На зеркале уселась белоснежная сова, которая периодически его клевала. Вот откуда и взялся скрежет.

Эта же сова издавала цокающий звук. Завидев меня, она неподвижно уставилась своими чёрными глазами. Смотрела мне прямо в душу, от чего стало не по себе.

Только сейчас я обнаружил в зеркале огромную трещину, которая тянулась из одного края в другой. Видимо, сова его повредила, пока клевала.

К слову, в зеркале отражалась полная луна, которую трещина рассекала напополам.

— Кыш отсюда! — сказал я. — Напугала меня!

Но сова не двигалась. Наоборот, теперь она повернулась ко мне полностью, а не только головой.

— Улетай уже. Уселась тут. Спать мешаешь!

Внезапно она действительно взлетела. И полетела не туда, куда я предполагал, а прямо ко мне на балкон. Сова села на балюстраду и превратилась в Лесьяну Романову — мою возлюбленную.

Я потерял дар речи, даже ничего сказать не смог, только стоял, как вкопанный и смотрел ей в глаза.

Одета она была в прекрасное белое платье, голова облачена в белую вуаль. Лесьяна подошла ко мне, нежно и страстно поцеловала.

На несколько мгновений мы растворились друг в друге, и я даже забыл о сове.

— Пришло время. — тихо прошептала она.

— Что?

— Пришло время.

Лишь после этого я открыл глаза, пребывая в недоумении. Это был сон? Или реальность? В реальности совы в людей не превращаются.

Но если это был сон, я не мог задвинуть шторы. А они меж тем полностью закрывают окно. Может Софья с утра закрыла?

Сердце колотилось, как бешеное.

Повертев головой, чтобы выбросить навязчивые мысли, я встал во весь рост и потянулся. Солнечный июньский день был прекрасен. Лучи заботливого светила пробивались меж штор.

Однако, меня они не грели и не радовали. Ведь на рабочем столе лежала огромная кипа писем, заботливо разложенная по назначению Софьей Марковой — моей служанкой.

В глубине души я бы хотел увидеть среди них хоть одно, что поднимет мне настроение. Но прекрасно понимал, что меня ожидает сплошное разочарование.

— Софья! — крикнул я так, что эхо зазвенело по всему

имению.

— Да, Павел Андреевич. — появилась служанка в дверном проёме.

То была женщина пятидесяти пяти лет, держала осанку, смотрела прямо, идеально исполняла свои обязанности. Но глаза словно стеклянные. Без души.

— Кофе мне. С сахаром. Да побольше!

— Побольше кофе или побольше сахара?

— Побольше всего! Да поскорее, иначе я от злости начну на людей кидаться.

— Опять госпожа Романова будоражила ваше воображение? — спросила она, будто специально хотела позлить.

Я повернулся и гневно посмотрел на неё. Стоической выдержке Софии можно было позавидовать.

Обычно люди пугаются, когда я на них так смотрю, но только не она. В светло-серых глазах не промелькнула даже тень страха. Точно бездушная, подумал я.

— Я крайне зол, Софья. — прошипел я.

Пятка начала предательски ныть от укуса осы.

— Поняла вас, Павел Андреевич. — сказала она и едва заметно улыбнулась — Сейчас всё принесу.

Она уже было закрыла двери в приёмную, как вновь вернулась, видимо, забыв что-то сказать.

— Ах, да. Приходил странный человек, передал письмо. Оно где-то в этой стопке. — она нахмурилась. — Просил передать вам, что: «пришло время».

У меня в груди ёкнуло. Плохое настроение будто водой смыло, на его месте появилось жгучее любопытство и нотки страха.

— Пришло время? — переспросил я.

— Да, да, так он и сказал. Голос ещё такой странный. Из-под маски плохо было слышно.

У меня глаза из орбит повылезали.

— Из-под маски? Какой ещё маски?

— Белая, круглая карнавальная маска. Видимо, что-то намечается. Вы не в курсе часом?

— Нет. — сухо ответил я.

В голове переполох. Неужели время закончилось, и я должен предстать перед Беклемишевым?

Нет, быть того не может. У меня ещё месяц должен быть. Неделю назад же проверял сроки долговых обязательств.

Но Беклемишев человек, который может вызвать и раньше срока. Чтобы удостовериться, что всё в порядке и деньги будут.

Тогда к чему эти карнавальные маски? Ничего не понимаю.

Софья захлопнула двери и ушла, чтобы сварить мне кофе. Я же плюхнулся на винтажное кресло с «ушками» и погрузился в раздумья.

Может быть это и вовсе какая-то ошибка? Просто перепутали дом?

Да чего я, собственно, гадаю? Надо просто прочесть пись-

мо!

Я рванул к рабочему столу и начал в ворохе писем искать то самое.

Долги, долги, предупреждения, уведомление по делу о банкротстве, обязательства, взыскания. Вот оно!

С трепетом я держал в руках конверт, который сильно отличался от всех писем, что я когда-либо получал в своей жизни.

Полностью бордовый с бархатистой фактурой. Прямо по центру массивная, чёрная восковая печать в виде расколотой напополам луны.

Герб Беклемишевых — это лев на щите, а позади меч и копьё. Никакой луны там отродясь не было.

Но тогда кто? Я много кому должен, но ещё ни разу не встречал расколотую луну в виде герба. Даже на фасаде Академии философии и изящных искусств изображена сова на фоне солнца. Это самое близкое из гербов, что было на моей памяти.

Луна нигде и никогда не появлялась.

Я аккуратно вскрыл конверт ножом для писем, достал плотный шершавый лист бумаги, сложенный пополам и развернул его.

«Здравствуйте, Павел Андреевич Евграфов. Ожидаем вас сегодня, 23 июня 1926-го года в шесть часов вечера по адресу Сретенский бульвар, дом 6/1 строение 1, подъезд 4, этаж 6, квартира 66. Не опаздывайте».

Всё бы ничего, но в конце была приписка.

«Пришло время».

Да какое время пришло?! Время для чего? Я уже был готов взвести револьвер и прострелить голову тому, кто мне сегодня хоть разок ещё скажет, что время пришло.

Кто эти люди? И что им от меня нужно?

Мои агрессивные размышления прервала Софья, вошедшая с подносом. Горячая чашка кофе испускала манящий пар, а рядом стояла сахарница, заполненная доверху.

— Ваш кофе, Павел Андреевич. — сказала бесстрастно Софья. — Чего желаете на завтрак?

— Яичницу с беконом. — буркнул я, хватая сахар и закидывая в кофе.

— Я уже туда добавляла сахар, Павел Андреевич, целых два кусочка. — уточнила она, увидев мои действия.

— Лишним не будет. — сказал я, добавляя ещё и ещё.

— Павел Андреевич, бекона нет, яиц тоже.

— Как нет?

— Вот так, деньги закончились.

— Как закончились? Вчера же были.

— Вчера были, а вот сегодня закончились. По крайней мере в нашем с вами хранилище пусто.

Несколько мгновений спустя я стоял перед шкафом, где я хранил деньги на повседневные расходы. Лежали они всегда на верхней полке, а шкаф закрывался на ключ.

Ключ всегда был у Софьи и ни у кого больше. Даже я сам,

когда нуждался, просил Маркову его открыть. А когда её не было, я даже и не залезал сюда

Злого умысла у Софьи точно не было. Она работала служанкой Евграфовых ещё до моего рождения. Воровать у рода, всё равно, что воровать у самой себя.

А кроме нас двоих тут больше никого и не было.

— Софья! Что это такое?

Вместо денег на полке лежали... Перья.

— Откуда здесь перья, Софья? — воскликнул я.

— Павел Андреевич, я понятия не имею откуда они тут взялись. Я сама у вас хотела спросить. Но денег тут нет. Как нам быть?

— Так! — резко говорю я. — Это не день, а какое-то наказание. Ладно, чуть позже с этим разберусь. А пока позвони Константину Ивановичу. Сообщи ему, что я скоро приеду.

— Которому из двух?

— Бенуа. — я задумался. — Потом перечитай все письма, что на столе и разложи их по датам. В зависимости от крайнего срока оплаты долга. Ближайшие даты положи слева, а всё, что позднее — справа. Я разберусь, когда приеду вечером.

— Поняла. К вашему приходу всё будет сделано. — она вздохнула. — Так чего на завтрак изволите?

— Не нужно. — сказал я. — Поем в городе.

— В таком случае, не убегайте. — попросила она и отошла куда-то в комнату для гостей.

Я ждал с минуту, может две. После она явилась с каким-то свёртком.

— Это вам, Павел Андреевич. — произнесла она всё с неизменно холодным выражением лица. — С днём рождения.

Мать! А я и забыл, что у меня день рождения. Двадцать пять лет, как никак. Не каждый день такое событие.

— Ого! Спасибо, Софья. — воодушевлённо сказал я. — Что там?

— Откройте и узнаете. — всё так же бесстрастно отвечала она.

Я спешно разорвал свёрток, коричневая бумага легко поддалась. Внутри оказалась книга. Сборник стихов. А вместе с ней письмо. От Лесьяны Романовой.

— Госпожа Романова просила передать. Она звонила. Не приезжала. Я с утра забегалась, не сразу вспомнила. — произнесла Софья.

Тут же открываю письмо и читаю.

«Павел, я поздравляю вас с днём рождения! Вы единственный, кто подарил мне столько ярких чувств. Все они отражены в сборнике лучших стихов Серебряного века. Я сделала там пометочки, чтобы вы могли знать какие стихи, ассоциируются с вами.

Теперь же о грустном...»

Я чуть не взвыл, когда прочёл последнюю строку. Ну почему этот день не может быть обычным? Почему должна быть

ложка дёгтя?

«Теперь же о грустном, Павел, я уезжаю и надолго. Мой отец желает для меня всего самого лучшего, а это лучшее по его мнению находится в Санкт-Петербурге. Там я буду учиться в Императорской высшей медицинской академии.

Папа считает, что только с таким образованием я смогу себе обеспечить стабильное будущее в нашем переменчивом мире.

Вы навсегда в моём сердце, и я хочу с вами попрощаться так, как ещё никогда и ни с кем не прощалась, мой граф.

Поезд отбывает ровно в шесть вечера с Санкт-Петербургского вокзала. Жду, обнимаю».

Не может быть.

Она действительно решила поступить со мной вот так?

Просто поставить перед фактом? После всего того, что меж нами было?

И это издевательское «обнимаю» в конце. Словно плевок мне в лицо. Почему она не могла найти способ поздравить меня лично? Ну или хотя бы позвонить?

Стоп! Софья сказала, что она звонила. Но почему тогда не переговорила со мной?

Ещё и сообщила в мой день рождения. Вот так обрадовала девочка, ничего не скажешь. Молодец, просто умница. Впрочем, отъезд наверняка планировал её отец. Мне назло. Тем не менее, я был в ярости. Готов был рвать и метать.

— Павел Андреевич, — спокойным тоном произнесла

Софья, — вы покраснели. С вами всё в порядке?

Я резко повернулся, злобно зыркнув на неё, но тут же отвлёкся, услышав странный звук слева. Мы оба повернулись в ту сторону, и я обнаружил, что пятидесятилетнее зеркало, что висело в имении задолго до моего рождения треснуло.

Трещина тянулась от одного края к другому.

— Боже милостивый! — вдруг воскликнула Софья, демонстрируя невиданный доселе артистизм.

Я помотал головой и вскинул брови. Мда, ещё и зеркала треснувшего не хватало. Я, конечно, в приметы не верил. Но внутри теплилось ощущение, что уже сегодня могу уверовать. И не только в приметы.

— Софья, позвони Геннадию Олеговичу, прикажи подавать мобиль. У меня сегодня много разъездов.

* * * * *

— Павел Андреевич, с днём рождения вас!

Водитель мобиля Геннадий поздравил меня с гораздо большей охотой, чем Софья.

— Уже двадцать пять лет. Помню, как возил вас ещё младенцем вместе с отцом. Правда совсем на другом мобиле. То был не такой быстрый, как нынешний и заводился очень долго.

Он на несколько мгновений поник и задумался.

— Не хватает мне его Сиятельства, Андрея Илларионовича. Какой же был замечательный, добрый и справедливый

человек.

Гене было уже за пятьдесят лет. Округлое лицо, усы, лёгкая седина. Улыбался Терентьев искренне и заразительно.

Да вот только зубы уже совсем плохи были. Парочки не хватало, а те, что оставались на месте, обрели жёлто-коричневый оттенок.

— Спасибо, Ген, за поздравления, — сухо сказал я, — давай-ка к Константину Ивановичу Бенуа. На мануфактуру.

— Это я всегда готов! — внезапно оживился он.

Мобиль тронулся, а я устроился поудобнее на кожаном диване, что уже порядком истёрся. Мимо начали мелькать дома, имения, фонари и люди, спешащие на работу.

Улочки столицы оживились, кроны деревьев, обласканные утренним солнцем, едва покачивались на ветру.

— Письмишко-то уже получили, Павел Андреич? — с улыбкой спросил Гена.

У меня аж сердце ёкнуло, когда я это услышал.

— Какое письмишко, Ген? — решил уточнить я на всякий случай.

— Ну как какое? Такое, что все Евграфовы получают на двадцатипятилетие. Помню, когда отец ваш получил, радоваться никак не мог. Он, кстати, тоже тогда был в долгах, как и вы сейчас. Но выкрутился. Как раз после письма.

Я даже не знал, что меня смущает больше. То, что Гена знал про письмо, то, что он был в курсе, что я в долгах или то, что Софья промолчала обо всём этом, хотя я уверен, она

тоже знала.

— Лишнего себе позволяешь, Ген, — буркнул я себе под нос, намекая на долги.

— Прощения просим, ваш Сиятельство, Павел Андреич, я могила, больше ни слова, — встрепнулся и запереживал добродушный Гена.

Я сделал паузу, чтобы всё переосмыслить, но не получалось. В голове царил настоящий хаос.

— Ты же про бордовое письмо? — не выдержал я.

— Уж про цвет не знаю, — вновь улыбнулся и оживился мой шофёр, — но отец ваш в тот же день пулей в центр города полетел, — он нахмурился, — Дайте-ка вспомнить. То ли на Столешников, то ли Сивцев...

— Сретенский бульвар? — выпаливаю я.

— Точно, точно! Да, кажется он, — обрадовался Гена, — Его тогда отвозил другой шофёр. Терентий его звали. Терентий Геннадьевич. Потешно, правда? Я Геннадий Терентьев, а он Терентий Геннадьевич.

Шофёр засмеялся в голос, но мне было не до шуток. Увидев в зеркале, что я даже не улыбаюсь, Гена продолжил, прокашлявшись.

— Я уже на следующий день повёз его по делам. Вот он мне и поведал. Сказал, что никогда не думал, что ситуация с долгами может так просто решиться...

— А что ещё сказал? — заинтересовался я.

— Да больше ничего и не сказал. Сидел, улыбался. Уж

не знаю, что там на Сретенском выдают, но коли вам такое письмишко прибыло, надо ехать однозначно! — он посмотрел в зеркало заднего вида и широко улыбнулся.

К Константину Бенуа мы прибыли быстро. Будучи главным управляющим шерстопрядильной мануфактурой Евграфовых, он очень переживал за текущие дела.

— Павел Андреевич, ваше Сиятельство...

— Отставить! — резко возразил я. — Константин, без лишних разглагольствований, сразу к делу.

— Прошу простить. Вы прям, как ваш покойный отец, стержень о-го-го.

— Зря что ли четыре года провёл в шестом стрелковом? — улыбнулся я.

— Тогда, ваше Сиятельство, конечно, ужас как разозлили Андрея Илларионовича. Он-то хотел, чтобы вас в лейб-гвардию определили. Приложил к этому массу усилий, соломку подстелил, с нужными людьми договорился. А вы... — сделал паузу Бенуа. — В стрелковый.

— Что хотел мой отец, совершенно не соответствовало моим желаниям. — холодно произнёс я. — Константин Иванович, будьте любезны папиросу.

— Для вас, Павел Андреич, всегда найдётся. — улыбнулся уголком губ Костя.

Он достал серебряный портсигар с изразцовыми художествами на поверхности. Вещица недешёвая, но и Константин Иванович не первый день управляющим мануфактурой ра-

ботал.

Мог себе позволить.

Я вытащил папиросу, он тут же достал спички и дал прикурить. Густой дым наполнил мои лёгкие после первой затяжки, и я даже улыбнулся. День стал чуточку лучше.

— Рассказывайте, что тут происходит.

— Ох, Павел Андреич...

— Живо!.. — гаркнул я.

— В общем, всё плохо. Мы несём огромные убытки.

— Даже заказ на пошив формы от императорского двора не спасает? — нахмурился я.

— Тут вот какое дело, Павел Андреич...

Он всё не решался сказать, а меня это страшно нервировало.

— Да скажите уже, Константин! Ходите вокруг да около.

— рывкнул я, теряя остатки терпения.

— Дело в том, что императорский двор отозвал свой заказ. — он выдержал ещё одну долгую паузу. — Без объяснения причин.

— Это плохо. — я на секунду задумался. — А пошив для театра на Бронной? У них пожар был, весь реквизит сгорел. Помните? Делается?

— Ох, Павел Андреич...

— Клянусь своим титулом, ещё раз я услышу оханье, и я лишу вас должности! — воскликнул я.

Папироса в моей руке внезапно вспыхнула и разлетелась

снопом искр. Я от неожиданности дёрнул рукой, отбросил её в сторону и спешно начал тушить ногой.

Надавив на пятку, я поморщился от боли. Утренний укус осы давал о себе знать.

— Боже милостивый, ваше Сиятельство, Павел Андреевич, вы в порядке? — захлопотал Константин.

— В полном порядке! — недовольно произнёс я. — Этот день поистине проклят. Другого объяснения у меня нет.

— Может в отпуск?

— Окститесь, Константин! Какой отпуск? Да и бывают ли отпуска у графа? — я всплеснул руками. — Вернёмся к нашей беседе. Что с заказом для театра?

— Отменили его. Отменили. У нас вообще дела плохи. Десяток исков на нас поданы в окружной суд, ещё два лежат в судебной палате. Очень плохи дела.

— Будьте добры, Константин, ещё папиросу, — сердце у меня колотилось, как бешеное, — иначе я сойду с ума. Судебная палата? Меня пытаются сделать врагом государства? Ну просто восхитительно.

Он вновь открыл портсигар, и я закурил.

— Не переживайте, Павел Андреевич.

Я выдохнул. Проблемы набирались, словно снежный ком и нужно было решать всё в срочном порядке.

— Отправьте все копии бумаг ко мне в имение на Бульварном. — распорядился я. — Какие сроки давности?

— Боюсь, что действовать надо незамедлительно, — тихо

произнёс Бенуа, — В нашем распоряжении три дня, не более.

Я задумался. Пока думал, затянулся папиросой так сильно, что аж закашлялся.

— Всё решим, — произнёс я, — Какие заказы ещё остались?

— Местечковые, Павел Андреевич, местечковые.

— Какие?!

— Пошив для купцов Елисеевых, пошив для графа Победова, — он выдержал паузу, — Да и всё.

— Работайте, — сказал я и бросил затушенную папиросу в мусорное ведро, — А со своей стороны я всё решу, можете не сомневаться.

— Только на вас вся надежда, Павел Андреевич, — взволнованно сказал Бенуа. — дай бог, чтобы всё разрешилось. К вам прислать нашего правоведа?

— Нет необходимости, пусть выполняет свою работу на месте.

* * * * *

Я сказал, что всё решу. Но как именно решать, пока не знал. Единственная зацепка, что крутилась в моей голове — это вокзал в шесть вечера и разговор с Лесьяной.

Когда я глянул краем глаза исковые заявления, среди них красной нитью тянулась фамилия Романов. Конечно, он напрямую не принимал в этом участия. Но косвенно — одно-

значно.

Подозревал я и Беклемишева. Он вполне мог распорядиться так, чтобы имущество Евграфовых постепенно было выкуплено за бесценок. Зачем ему оно было нужно — другой вопрос.

Но все нити вели на вокзал в шесть вечера. Я мог переговорить с Лесьяной, а она бы уговорила отца перестать вставлять мне палки в колёса.

Впрочем, никаких гарантий этот разговор всё равно не давал.

Я вновь вспомнил о том, как она поступила со мной.

Её письмо, её подарок и вообще постановление перед фактом — уязвляли мою гордость.

Уезд навсегда из Москвы? Хуже только, если б она пришла с любовником ко мне на порог и сказала, что мы больше не пара.

Если отбросить эмоции и всё, что сегодня произошло, то я обязан ехать на вокзал.

Во-первых, Лесьяна пообещала со мной попрощаться так, как ещё ни с кем и никогда не прощалась.

Означало это только одно — страстную физическую близость. И я буду лукавить, если скажу, что не желал этого.

На графиню у меня были самые смелые и серьёзные планы. Поэтому походы к иным барышням я себе в последнее время не позволял.

Хотя желающих было хоть отбавляй. Утреннее письмо то-

му подтверждение.

Но я хотел именно Романову.

Во-вторых, она могла отвести своего отца, а возможно и Беклемишева вместе с ним от моей мануфактуры. Сейчас, когда я нахожусь в бездонной долговой яме, это было бы очень кстати.

На другой чаше весов таинственное письмо и моя уязвлённая гордость.

По всем законам здравого смысла я должен был бы проигнорировать приглашение на Сретенский. Но я вновь и вновь возвращался мысленно к этой идее.

Даже животные, хищнические, физические позывы овладеть Романовой почему-то не могли перекрыть моё любопытство.

— Ген, отец рассказывал ещё что-то про Сретенский бульвар и это письмо? — спросил я у шофёра.

— О, да, — улыбнулся шофёр. — нет, нет, да раз в месяц обмолвится.

— Что говорил?

— Только одно и повторял: «Если бы я, Ген, в тот день решил поехать к Воронцовой вместо Сретенского, то, помани моё слово, на тебя бы сейчас работал».

Я нахмурился.

— Что он имел ввиду? — решил уточнить я.

— Он имел ввиду, Павел Андреевич, что ремонтировал бы мобиль по моей указке. Понимаете? В автопарке бы ра-

ботал чернорабочим. Род Евграфовых бы там и закончился. И вы бы всё потеряли.

Он сделал паузу.

— Но я думаю, что он преувеличивал, — засмеялся Геня, — В конце концов, сколько должно быть долгов, чтоб целый род обеднел? Не может быть столько. Так что точно приукрашивал, зуб даю, — он засмеялся ещё громче, — А вы знаете, Павел Андреевич, я зубами налево и направо не разбрасываюсь. У меня их мало осталось.

Я смотрел в окно и думал. Думал так много, что аж голова разболелась. Решить было тяжело. В который раз я выругался в голос и закурил ещё одну папиросу.

Ну пусть её поезд уходил хотя бы в семь вечера! Тогда, возможно, я бы успел везде. А так какие-то тиски ей богу. Либо одно, либо другое.

Ещё и посоветоваться не с кем. Давненько я не оказывался в таком положении. Да что уж там. Никогда!

Как отец решал подобные вопросы? Если бы я только знал. Может и не стоило уходить на четыре года служить в шестом стрелковом полку? Тогда бы хоть успел у него чему-то научиться.

Ладно, нет смысла прошлое ворошить. Есть смысл принять решение здесь и сейчас.

Лучше синица в руках, чем журавль в небе.

Глава 2: Расколота луна

— На Сретенский. — скомандовал я Гене. — Да поскорее. Мы опаздываем.

Сердце у меня сильно колотилось. А вдруг я только что сделал неверный выбор? Всё ещё можно успеть на вокзал.

Но Гена тоже не стал бы врать. Если отец говорил, что поездка на Сретенский решила проблемы нашей семьи, значит он говорил это не просто так.

Я посмотрел на свою ладонь, она слегка тряслась.

Какой жуткий мандраж. Неужели я и вправду решил выбрать неизвестность? С другой стороны с Лесьяной тоже неизвестность.

Ко всему прочему, что мною двигало всё это время? Лишь таинство близости с ней. Мы никогда не оказывались вместе в постели. И я этого страстно хотел.

Но смогла бы она отвести от меня своего отца и Беклемишева? Далеко не факт. Поэтому на вокзале меня тоже ждала неизвестность. Только с щепоткой долгожданной ночи с графиней, которую я так хотел с первого дня встречи.

Я достал из внутреннего кармана сюртука часы. Ручная работа. Выполнены в мастерской Вензеля. Время без двадцати шесть.

— На вокзал не едем? — удивился Терентьев, которому ещё двадцать минут назад я сказал ехать на Санкт-Петербург.

бургский.

— Нет.

— Кто вас на вокзале ожидал, коли не секрет? — поинтересовался он.

— Романова. — коротко ответил я.

— Тяжёлый выбор, тяжёлый выбор. — задумчиво произнёс шофёр. — Но знаете, что, Павел Андреевич? Всё к лучшему. Глядишь и приедете к ней в Санкт-Петербург. Там и поворкуете.

— Нет, Гена. Это конец наших отношений, — закурил я очередную папиросу, — Тут даже не вопрос любви. Тут вопрос взаимоуважения, — я посмотрел на него через зеркало заднего вида, — Впрочем, ты не поймёшь. Это надо всё с самого начала рассказывать.

— Коли дама забыла своё место, ей мягко напомнить надо, — улыбнулся он, — Умная — внемлет, глупая — скандал устроит.

— А ты знаешь толк. — не без иронии сказал я.

Я достал из кармана злополучное письмо, что таскал с собой весь день. Ещё раз глянул адрес и время. Всё совпало. Успеваем минута в минуту.

Когда мы оказались в нужном месте, я окинул взглядом доходный дом страхового общества «Империя». Эклектичный, сочетающий в себе готические элементы, модерн и даже местами ар-деко.

Завораживающее здание с потрясающим внутренним

двором, хоть и скромным по размерам.

Гена высунулся из мобиля и спросил у случайного прохожего, где находится четвёртый подъезд, тот сказал ехать дальше и повернуть за углом.

Когда я увидел деревянную дверь, выполненную в стиле арт-нуво, моё сердце заколотилось ещё сильнее. Четвёртый подъезд, шестой этаж, квартира шестьдесят шесть.

Я потомственный граф, у меня есть имение на Бульварном, загородная резиденция и целая мануфактура. Почему мне так не по себе? Аж ладони потели.

— Ну что, Павел Андреич, ни пуха! — радостно сказал Геннадий, — Вошел и вышел, как говорится. Буду ждать вас тут, — он принюхался, — Чувствуете? Где-то здесь пекарня. Разрешите отлучиться, чтобы полакомиться свежей булочкой?

— Разрешаю, — сказал я, достал платок из внутреннего кармана, вытер руки и лицо.

— Вам прихватить чего?

— Не надо, — ответил я, — Потом отужинаю в ресторации.

Да чего же я тянул-то? Надо выйти и подняться. Всё. А вдруг ловушка? Но если бы ловушка, моего отца ещё тогда бы погубили. А вон Гена говорит, что всё в порядке было. Что отец даже рад был.

Ладно. По коням.

Я хлопнул в ладоши, Гена тут же выскочил из мобиля и

открыл передо мной дверь.

— Ген, я сам в состоянии открыть дверь.

— Прощения прошу, ваше Сиятельство, привычка. Ваш отец любил, когда ему дверь открывали. Говорил, мол, за что я плачу? Только за извоз? Так дело не пойдёт.

— Да мало ли, что он говорил, — язвительно ответил я.

— Ох, вы бы так о батюшке не отзывались, человек всё-таки был хороший. Справедливый. Добрый.

— Я своего отца уважаю, ты меня не попрекай тут, — произнёс я строго, — Но я — не он. У меня свои правила.

— Понял вас, Ваше Сиятельство, я могила, лишнего сказал, — опустил глаза Терентьев.

Я вздохнул, надвинул картуз, доставшийся мне ещё со времен службы, поправил сюртук и направился к четвёртому подъезду.

Револьвер за пазухой успокаивал душу. Если что-то пойдёт не по плану, я его с радостью применю.

Времена сейчас нелёгкие. Я всерьёз задумался о том, чтобы нанять сопровождающих. Правда, тогда ежемесячных трат будет ещё больше.

А я и так на мели.

Дверь подъезда легко поддалась, я заглянул внутрь. Передо мной была роскошная парадная, выполненная из мрамора и гранита. Каменная лестница обрамлялась изящными коваными балясинами, на них были положены не менее изящные деревянные перила.

Под потолком висел оранжевый фонарь, тускло освещающий помещение мерцающим огоньком.

Я огляделся вокруг, в глаза лишь бросился символ расколотой луны рядом с дверной ручкой. Значит, я по адресу.

Подъём на шестой этаж прошёл без приключений. Меня встречали и провожали самые разные двери, начиная от уродливых железных, заканчивая красивыми деревянными.

Какие-то пролёты выглядели, как произведения искусства. Тут и плитка была положена особая, и цветы высажены, даже вьюн оплетал стены, придавая уюта и загадочности.

Когда я оказался на последнем шестом этаже, меня словно окутало незримой вуалью. Первое, что бросилось в глаза — это свечи, расставленные по периметру пролёта.

Рядом с каждой из четырёх дверей стояло по два длинных кованых подсвечника. На каждом по свече из светло-лилового воска. Каждая из них горела странным, голубоватым пламенем.

Я даже прищурился, чтобы понять, не мерещится ли мне. Затем начал осматривать двери. Самая крайняя справа — простецкая, без изысков. Деревянная, с внутренним обрамлением в виде неглубоких прорезей.

Дешёвка.

Далее шла уже посерьёзнее, обитая кожей с символом головы медведя, отлитым из меди.

Следующая представляла собой композицию из арт-нуво элементов, переплетающиеся растения, цветы, косые линии.

Всё из металла на деревянной основе.

Красиво.

Ну и последняя, судя по всему, моя. Казалось, она была высечена из камня. Дверь полностью покрыта детализированным барельефом.

Каждый сантиметр — произведение искусства. Я успел лишь разглядеть, как лев сражается с совой, как человек в остроконечной шляпе стоит, подняв руки в небеса, а ему отвечает луна, нависшая над ним.

Что характерно — расколота.

Внезапно эта дверь распахнулась, и я аж подпрыгнул от неожиданности.

Толщина и впрямь внушительная. Сантиметров двадцать, не меньше. Она правда из камня?

Я пригляделся. Гранит. Облицовочный? Если вся дверь из гранита, сколько она весит? Тонну?

Я заглянул в проход. Ничего не видно. Сплошная тьма. Вдруг оттуда донёсся женский голос.

— Заходите, молодой граф.

— Кто это говорит? — сразу поинтересовался я.

— Заходите, Ваше Сиятельство.

Голос звучал маняще. То ли из-за свечей, то ли из-за усталости и стресса, у меня в голове будто всё туманом заволочло. Я перешагнул через порог, после чего каменная плита за мной захлопнулась с жутким грохотом.

— Идите на мой голос, Ваше Сиятельство.

Я повиновался. Если это ловушка, то чертовски манящая. Почему я хотел оказаться рядом с обладательницей этого бархатистого голоса?

Мне казалось, что я потерял рассудок.

Тут же встряхнулся и попрыгал на месте. Затем выхватил из-за пазухи револьвер и выставил перед собой.

Но в крошечной тьме я даже руку свою не видел, не то, что место, куда нужно было стрелять.

— Не нервничайте, граф. День выдался дурной? Оружие вам не поможет.

— Расскажите, что тут происходит?!

— Не нужно спешки, Ваше Сиятельство, всему своё время.

— Романов?! Беклемишев?! Это ловушка? — не унимался я.

Сердце колотилось, как бешеное.

— Я сейчас весь барабан разряжу! — громко произнёс я.
— Вам не понравится вкус свинца.

Послышался залиvistый, издевательский женский смех.

— Послушайте, господа, граф нам угрожает стрельбой.

— Так исполните же вашу угрозу, граф. — произнёс грубый, мужской, сухой голос.

— Вы и правда думаете, что я не сделаю этого? — продолжал говорить я. — Вы заблуждаетесь.

На этот раз я услышал два смеющихся голоса. Мужской и женский.

Ну что ж, если так, то вам нечего терять. Мне тоже нечего терять. Я взвёл курок револьвера, резко развернулся и нажал на спусковой крючок.

Но ничего не произошло.

Осечка?

Я повторил то же самое, но из раза в раз ничего не происходило. Да что же такое? Неужели я забыл зарядить его?

Издавательский смех двух голосов не заканчивался. Они смеялись всё громче и громче, нервируя меня всё больше.

Я на ощупь открыл барабан и начал проверять патроны. Все шесть оказались на месте. Тогда что не так?

Закрыв барабан, взвёл курок и снова нажал на спусковой крючок. Ничего.

Голоса продолжали заливаться хохотом.

Тогда в сердцах я бросил револьвер в сторону, надеясь хоть в кого-то попасть. Но я не услышал ни звука. Ни падения револьвера, ни каких-либо разбитых вещей. Ничего.

Словно швырнул его в мягкую перину, где тот утонул в складках, не издав ни звука.

— Что за чёрт?! — закричал я, — Покажитесь же!

Внезапно я почувствовал очень сильный толчок в левую лопатку. Как будто в меня кинули булыжником размером с кулак.

От неожиданности я свалился на колени, а рядом услышал грохот, упавшего предмета. На ощупь я его быстро нашёл, надеясь, что смогу бросить этим булыжником в обидчика.

Но это был мой револьвер! Я снова проверил патроны. На этот раз там было пусто.

Смех внезапно прекратился, слышались шаги.

— Ваше Сиятельство, Евграфов Павел Андреевич. — прорычал басистый, низкий голос явно какого-то немолодого мужчины.

— Да. — ответил за меня женский голос.

— Значит, он всё-таки сделал выбор. — продолжал старый голос. — Кто из вас, достопочтенные дамы и господа, делал ставку на Его Сиятельство молодого графа?

— Я ставила на Его Сиятельство молодого графа, — игриво сказал женский голос.

— Я ставил против, — сухо сказал грубый мужской.

— Что поставил?! — заорал я. — Кто вы такие?

— Молодой граф, — обратился ко мне старый голос, и я буквально почувствовал его дыхание на себе, — Мы и рады бы сообщить вам многое, но вы пока не являетесь членом ордена. Однако, вы сделали первый шаг, это уже очень и очень хорошо.

Внезапно я почувствовал, как мою руку кто-то схватил. Затем укол в ладонь, я стиснул зубы и вырвал руку. Почувствовал, как пошла кровь.

— Да я вас всех уничтожу! — заорал я. — Кто бы вы ни были!

В голове, словно мотылёк вокруг лампы в ночи, мелькала мысль о том, что я всё же попался в очень изощрённую ло-

вушку.

— Молодой граф, не будем спешить, — промурлыкал бархатистый женский голос, — Мы вам не враги.

— Были бы врагами, — сказал молодой, твёрдый мужской голос. — вы были бы уже мертвы. Думаете так сложно убить человека, что ещё не овладел даром рода? Беклемишев бы не стал церемониться, поверьте, граф.

— Дар рода — материя тонкая, — начал говорить старый голос, — Пробудить его надобно. Процесс уже начался. Вы ведь наблюдали сегодня странные вещи, Ваше Сиятельство, граф? Этот день совсем не такой, как другие, верно?

Я растерялся. Они явно что-то знали.

— День и вправду странный. Подобного со мной не случилось ранее.

— Наверняка всё из рук валилось, верно? — продолжал старый голос. — Буквально горело, да?

— У меня взорвалась папироса прямо во рту, пока курил. Все трое засмеялись.

— Помню, как у меня в этот день двигатель мобиля загорелся, — произнёс женский голос.

— У нас не сеанс воспоминаний! — рявкнул старый голос и девушка замолчала. — Итак, молодой Евграфов, слушайте внимательно и запоминайте. Сила рода пробуждается через четверть века. В день вашего рождения. В этот день вы меняетесь. Жизнь разделяется на «до» и «после». Отношение иных к вам тоже резко меняется. Если до сего момента вы не

представляли для них интереса, то с этого дня на вас может начаться охота.

Низкий басистый голос выдержал паузу. Длинную. Я даже начал переживать.

— Но мы не можем вас заставить сделать выбор. Теперь только вы сами властитель своей судьбы. Поэтому вам придётся ответить на самый важный вопрос. Возможно, важнейший в вашей жизни, молодой граф.

— Какой?

— Готовы ли вы, граф, вступить в Орден расколотой луны?

— Что это мне даст?

Снова смех.

— Вы можете согласиться, а можете отказаться, Павел Андреевич. Никто не заставляет. Вы же сами сюда пришли, верно?

Он замолк. В голове у меня творился хаос. Вопросы, вопросы, бесконечные вопросы. Кто эти люди? Люди ли это? Или просто голоса в моей голове? Но если это голоса, то как получилось, что им удалось меня ранить?

Ладонь предательски ныла, кровь текла без остановки. Но я не обращал на это внимания.

— Я и впрямь пришёл добровольно. Но никто не говорил мне, что меня ждёт подобное.

— В этом и заключается таинство вступления в Орден. Если вы согласитесь, мы встретимся ещё и не раз. Но если

откажетесь, то никогда больше не услышите эти голоса.

Вокруг меня трое каких-то фанатиков, они порезали мне ладонь, а теперь приглашают в какой-то орден. Зачем мне этот Орден? Да и к чему вообще весь этот цирк?

Чёрт, неужели с отцом происходило то же самое? Ладно, нет смысла думать о том, что будь я на вокзале с Лесьяной, моя жизнь повернулась бы иначе. Я здесь, я принял решение, я сделал этот выбор ещё давно.

Просто боялся в этом самому себе признаться. Так что, если идти, то до конца.

— Никакой Лесьяны на вокзале не было, граф. — тихо произнёс женский голос.

— А ну умолкни! — взвыл старый голос. — Он должен сделать окончательный выбор сам! Клянусь расколотой луной, ещё раз ты посмеешь открыть рот без разрешения, и я вырву твой язык, бесовка!

— Прошу прощения. — взмолилась девушка. — Я...

— Григорий. Она мешает.

Послышался щелчок пальцев, и я почувствовал, как в помещении стало на одного человека меньше.

— Итак, Ваше Сиятельство, Павел Андреевич, — вновь обратился ко мне старый голос. — Ваш ответ. Готовы ли вы пополнить ряды Ордена расколотой луны?

— Чушь какая-то, — буркнул я себе под нос.

— Готов или нет! — заорал он так, что я аж подпрыгнул. — Простой вопрос, который подразумевает простой ответ.

И вы дадите мне его. Сейчас же. Как и ваш отец когда-то.

У меня в груди всё вспыхнуло.

— Отец?! Что вы знаете о нём? Он был в ордене? Почему никто ничего не рассказывает мне? Почему я нахожусь в неведении?

Впервые за всё время я услышал тяжёлый смех старца.

— Без ордена рассечённой луны ваше пробуждение не состоится, молодой граф. Вы погибнете. Просто ещё не знаете об этом. — вновь начал властно говорить старый голос. — И да, орден даст все ответы на ваши вопросы. Но прежде необходимо решить, готовы ли вы стать членом Ордена расколотой луны?

— Готов! — выпалил я.

— Спасибо за разрешение, молодой граф.

— Разрешение на что?

Внезапно я ощутил, что всё моё тело онемело. Я не мог и пальцем пошевелить.

Кровь застыла, я вглядывался в темноту и только догадывался о причинах моего осто́лбенения.

Это определённо связано с вытекающей кровью из ладони. Я чувствовал, будто через эту рану некто могущественный завладел моим телом.

Ибо сама рана горела адским пламенем, а вся кровь, что вытекла, будто начала вскипать.

Хотелось заорать от боли, но не получалось. Я собою не владел.

Через мгновение я почувствовал, как с меня кто-то стащил сюртук, затем сорочку.

Это ещё зачем?

Но не успел я задаться этим вопросом, как ощутил обжигающую боль в плече. Такую, что терпеть было бы невозможно.

Если бы я владел собой, то любыми способами прекратил бы жгучую боль. Но она продолжала меня испепелять.

Казалось, что мне ставили клеймо раскалённым железом. Однако, шипящих звуков я не слышал. Звуков вообще не было. Всё происходило в звенящей тишине.

Закончилось всё так же быстро, как и началось. Я овладел собой в одно мгновение, боль тут же прекратилась, от бессилия я обвалился на пол.

Затем я попытался посмотреть, что с моим плечом. Наступил тот единственный момент, когда в кромешной тьме я что-то обнаружил.

На моём плече едва поблёскивал белым светом знак расколотой луны.

— Теперь ты кандидат в члены ордена расколотой луны.
— спокойно проговорил старый голос.

— К-кандидат? — запинаясь спросил я, не понимая, что происходит.

— Именно. Орден расколотой луны — это не детский лагерь. Так просто сюда не войти, даже по приглашению. Вам, Павел Андреевич, необходимо будет доказать свою привер-

женность ордену, — меня не покидало чувство, что он улыбался, — Но когда мы убедимся в ваших намерениях, то род Евграфовых воспрянет.

Он сделал паузу.

— Когда-то Илларион Евграфов поднял весь род с колен. Уверен, Ваше Сиятельство тоже в этом преуспеет. Но всему своё время.

— Мой дед... — сказал я отрывисто, — Илларион. Он был...

Я хотел задать массу вопросов, которые будоражили мой разум. Но я не мог никак собраться с мыслями. В голове творился хаос.

— Мы вновь встретимся, когда вы, Павел Андреевич, исполните волю расколотой луны.

— Но как? — вопрошал я.

Однако, вокруг уже никого и ничего не было. Тьма расформировалась, я вновь стоял в пролёте на шестом этаже.

По порядку шли: деревянная дверь, кожаная дверь, деревянная с медными вставками и...

Всё?

Четвёртой двери не было. Свечей тоже. Под потолком шатался рыжий фонарь.

Я был полностью одет. Будто с меня не снимали ни сюртук, ни сорочку. Я резко растянул всё, оголил плечо и посмотрел на него.

Метка осталась. Правда, она не светилась. Лишь едва за-

метным шрамом красовалась на плече. Расколотая напололам луна.

Значит, всё, что произошло, было реально.

Фонарь продолжал шататься по причине мне неизвестной. Шатание сопровождалось скрипом. Скрип меня раздражал. Я гневно посмотрел на этот чёртов фонарь и произошло странное.

Он перестал шататься. Остановился.

Будто подчинился моему приказу.

Тут в голове у меня начала выстраиваться цепочка событий. Если верить старому голосу, на моё двадцатипятилетие у меня начали проявляться родовые способности.

Весь день я наблюдал их проявление, но каждый раз это было хаотичное проявление.

Если я злился, что-то обязательно ломалось. Когда я в первый раз разозлился, упала картина. Оборвалась проволока. Неужели это сделал я?

Потом взорвалась папироса прямо во рту. Это видел и Константин, он сможет подтвердить. Я же не сошёл с ума в конце концов!

Треснувшее зеркало! Когда я уходил и разозлился из-за возгласов Софьи.

Совпадения?

Я посмотрел снова на фонарь и приказал ему начать раскачиваться из стороны в сторону.

Но ничего не произошло.

Ну, разумеется. Что могло произойти? Ты идиот, Евграфов? Тебе только что устроили дешёвый спектакль!

Пока ты здесь ошивался, небось ограбили или захватили мануфактуру.

Да что я несу! Какой ещё захват мануфактуры, если она убыточна? Проще уже купить у меня её задарма, чем устраивать такое рискованное мероприятие.

Я спокойно спустился вниз, там меня послушно ждал Геня. Как только он увидел меня, тут же встрепенулся и подбежал.

— Павел Андреич, ну слава богу вы целы, я уж расперевивался!

— Что случилось, Ген? — спросил я отстранённо.

Он нагнулся вперёд и начал говорить в полголоса.

— Павел Андреич, только не поворачивайтесь. Мне кажется, что за нами следят.

Он кивком головы показал, где именно находятся следящие. У меня за спиной.

— Кто? — спросил я шёпотом.

— Двое в зелёном Доубл модель «Е». — он отстранился. — Мы смогли их запутать, когда вы приказали разворачиваться и ехать в противоположную сторону от вокзала. Но потом снова нашли. Подозрительно.

— Обсудим в мобиле. — сказал я коротко.

Он кивнул и мы сели. Я тут же обернулся, чтобы посмотреть на этот Доубл.

Действительно метрах в тридцати он стоял на повороте. Красавец. Спортивная модель. Нам на нашем Дуксе было бы сложновато уйти от полуспортивного Доубла.

Поэтому хорошо, что они лишь «незаметно» следили, а не шли в наступление.

— Шикарный у них мобиль. — улыбнулся Гена. — Вот бы и нам такой заиметь, правда, Павел Андреич?

— Без заднего дивана неудобно. — сухо ответил я.

— А есть и четырёхдверная модель!

— Давай поглядим, что они будут делать. — скомандовал я. — Поехали отсюда. Мне ещё с бумагами сегодня сидеть весь вечер.

— Слушаюсь, Ваше Сиятельство.

Мы тронулись. Станный зелёный мобиль следовал за нами неотрывно. Возможно, он даже не скрывался.

Кто это мог быть? Тайная служба Императорской гвардии? Беклемишев и Романов? Или вовсе недруги, о которых я не слыхивал?

Когда мы оказались рядом с моим имением, преследователи остановились примерно в пятидесяти метрах позади нас.

— Всё ещё здесь, Павел Андреич! Что будем делать? — заговорщически спросил Гена.

— Ничего, Ген. Езжай в павильон, проверяй мобиль. Будь готов завтра забрать меня, — сказал я и закурил папиросу, — Чтобы узнать, где живут Евграфовы, слежка не нужна.

Эти ребята явно замышляют что-то другое.

— Понял вас, Павел Андреевич.

Он вышел и попытался открыть мне дверь, но я вылез с другой стороны, лишь бы не потакать этим «ухаживаниям» за мной.

— Ген, я не статная дама, которая требует к себе особого внимания. Прекрати открывать двери.

— Как скажете, Павел Андреевич. — он вздохнул. — Всё никак не забуду привычки вашего отца.

— Ты уж постарайся.

Мы попрощались, и я зашёл к себе в имение. Каково было моё удивление, когда на пороге я встретил взъерошенную и не знающую, куда себя деть Софью.

— Павел Андреевич, слава богу вы тут. Я уже не знаю, что и делать, они повсюду!

— Кто «они»? — с недоумением спросил я.

Глава 3: Диана Орлова

— Как кто? Совы! Треклятые совы! Весь второй этаж в этих совах.

Я поднялся наверх и моему удивлению не было предела. Вокруг действительно не было пустого места без совы. Они буквально повсюду. На полу, на кровати, в уборной, на подоконниках, на шкафах.

Серые, чёрные, белые. Всех мастей!

— Софья, откуда они взялись? — воскликнул я.

— Прилетели, Павел Андреевич, — издевательски ответила служанка, — Всё загадили, как я это убирать буду? Все бумаги перепутали, письма порвали, подушки выпотрошили. Я их и метлой, и кочергой. Хоть бы хны. Это какой-то ужас!

Одна из белых сов, завидев меня взлетела с подоконника и приземлилась на моём плече.

Я почувствовал приятное тепло, будто мы с этой совой родственные души.

— Ну, Софья, если эти совы порвали письма с долговыми обязательствами, то их можно даже отблагодарить, — с улыбкой произнёс я.

— Как же я не додумалась, Ваша Светлость! — воскликнула она с сарказмом. — Спасибо, совы!

Женщина отвесила низкий поклон. Правда сделала это

очень нервно.

Из чёрствой, хладнокровной особы она внезапно превратилась в живого человека. С чувствами и эмоциями. Похоже, хаос оказывает на Софью чудотворное воздействие.

Мне никогда не нравилось её стеклянное, бесчувственное выражение лица.

— В последний раз такое случилось, на двадцатипятилетие вашего отца! — грозно сообщила она. — Только тогда не совы прилетели.

— А кто же?

Она посмотрела на меня, глядя исподлобья.

— Кошки.

— Прилетели? — с ухмылкой спрашиваю я.

— Очень смешно!

— И почему появились именно кошки? — улыбнулся я.

— А вот вы мне и скажите, Павел Андреевич! — она всплеснула руками. — Да вот только недалеко вы от отца ушли. Будете молчать, как и он. А мне потом всё убирать. Тоже молча!

С этими словами она ушла на первый этаж, а я остался наедине с совами.

Почему именно совы? Откуда? Зачем? Почему у отца были кошки? Какой-то дурдом.

— Софья! — заорал я на всё имение.

Я почувствовал её недовольство. На минуту воцарилась тишина вокруг, на меня глазели совы со всех сторон. От это-

го даже стало не по себе. Затем Софья поднялась, закутанная в большой, тёплый платок.

Я смотрел на неё с подозрительным прищуром.

— Да, Павел Андреевич. — произнесла она недовольным тоном.

— У нас остались папиросы в доме? У нас должны быть папиросы! Я сейчас с ума сойду.

— Павел Андреевич, у нас ничего нет. Пока вы не дадите мне денег, я не смогу из воздуха вам достать ваши папиросы.

Я тут же метнулся к сейфу, что был спрятан в одном из шкафов. Покрутил ручку лимба, услышал заветный щелчок и открыл дверцу.

Вопреки моим ожиданиям, всё было на месте. Облигационные займы, деньги, акции. На первый взгляд могло показаться, что я сказочно богат.

Но многие из этих бумаг теряли свою ценность не по дням, а по часам. Я достал деньги и передал их Софье.

— Этого должно хватить, — сказал я, — Жду завтра целый ящик папирос. Только Раухен Шмидт. И никаких других. Поняла?

— Поняла, Ваше Сиятельство, — зевнула Софья и взяла деньги, — Что-нибудь ещё?

Но не успел я продолжить, как несколько сов взлетели и покинули приёмную. Следом за ними и остальные. Так, через минуту помещение практически опустело. Остались лишь три совы.

— Ох, — вздохнула Софья, — Посмотрите только, какой хаос? Павел Андреевич, я завтра это уберу. А вы поспите в гостевой сегодня, правда? Я там всё прибрала, новое постельное бельё положила.

— Нет, я здесь заночую. Бардак меня не пугает, — строго ответил я, — И не переживай, Софья, они вернутся.

— Как вернутся? Может окна закрыть, чтобы не возвращались?

— Окна закрыть? Ты верно шутишь? Я умру от удушья! Она задумалась.

— Иди, Софья, мне надо поработать.

Я едва успел сесть за рабочий стол, чтобы наконец разобрать бумаги, как в дверях снова появилась Софья.

— Ну что ещё? — раздражённо спросил я.

— К вам гости, Павел Андреевич.

Я всплеснул руками и закинул голову назад от негодования. Бесконечная череда событий, сменяющих друг друга.

— Кто вздумал прийти сюда ближе к ночи?! — задал я риторический вопрос. — Передай гостю, что ему здесь не рады. Пусть возвращается утром.

— Гостья сообщила, что у неё есть ответы на ваши вопросы, — тихо произнесла Софья.

Гостья? Я напрягся.

— Так и сказала? — нахмурился я. — И что за гостья?

— Представилась, как Диана Орлова.

Я помотал головой.

— Не знаю такую.

Я посмотрел на кипу документов. Разумеется, никакого желания сидеть с ними всю ночь у меня не было.

— Так тому и быть, — наконец сообщил я, — Передай гостю, что я спущусь в скором времени.

Оглядев приёмную, я добавил:

— Будь любезна, приготовь всё необходимое, чтобы я привёл себя в порядок. День выдался уж очень скверный.

Софья поклонилась и ушла. А я остался наедине со своими мыслями. За сутки на жару я успел обильно пропитаться потом. От меня дурно пахло, но это решается. Достаточно накинуть жакет плотнее, да опрокинуть на себя стакан одеколона.

Надеюсь, встреча стоит того, иначе я попросту потеряю последнюю каплю терпения.

Диана Орлова? Фамилия знатная, да только Орловых сейчас столько, что уж и не отличишь, где знать, а где самозванцы.

Вниз я спустился, одетый в тёмно-синий жакет, приятно пахнущий и с улыбкой на лице. Пришлось вылить на себя половину флакона духов, чтобы соответствовать правилам приёма гостей.

В конце концов это мог оказаться крайне важный человек, способный положительно повлиять на моё будущее. Я окинул взглядом приёмную на первом этаже. Дама сидела на диване и покорно меня ждала.

Она оказалась на редкость миловидной особой с натянутой, как струна осанкой, приподнятым подбородком и тёмно-синими глазами.

Всё её естество буквально кричало о том, что она представительница знатного рода.

Я поприветствовал её, как и полагается поклоном, она мне ответила взаимностью. Затем мы оба представились друг другу, после чего я предложил устроиться поудобнее на диване.

Вокруг всё благоухало сиренью и черёмухой. Да вот только у меня не было во дворе ни того, ни другого. Это запах её парфюма.

— Или может вы предпочитаете летнюю веранду, Ваше Сиятельство? — любезничал я.

— Благодарю, Павел Андреевич, у вас очень уютное имение. Но жара действительно невыносимая, лёгкий ночной бриз поможет нам обоим расслабиться, я полагаю.

— Конечно, Диана Константиновна.

Мы переместились на летнюю веранду и устроились поудобнее. Нас освещала луна и ночные звёзды. Иногда лёгкий ветерок колыхал гортензии, высаженные вокруг моего любимого бельведера.

— Вы меня разве не помните, граф? — загадочно улыбнулась гостя.

Я окинул её взглядом уже более внимательно. Аккуратные, пухлые губы, миловидный заострённый подбородок,

выраженные скулы, длинная шея с тонкой кожей. В свете луны она выглядела восхитительно.

— Пока нет, — расплылся в улыбке я, — но со временем вспомню, коли мы действительно знакомы.

— Ах, мой граф, — томно вздохнула она.

И вот теперь я начал улавливать.

— Будьте так добры, произнесите это ещё раз, — настаивал я.

Она открыла небольшой футлярчик, и достала мундштук с элегантной вытянутой папиросой.

Я тут же взял спички, лежащие рядом, и дал ей прикурить. Она поблагодарила взглядом.

Воле Империял. Женские. С приторным запахом ванили. Никогда не пробовал, но поговаривали, что дамы просто в восторге от таких.

Сделав глубокую затяжку, она снова произнесла:

— Ах, мой граф!

И теперь я понял.

— Вон из моего имения! — воскликнул я.

Тут же поднялся и указал пальцем на выход.

— Ваше Сиятельство, чего же вы так взволновались? — запереживала она. — Мы с вами не враги, я пришла с благими намерениями.

Её голос был словно убаюкивающим, вся моя спесь внезапно куда-то подевалась, а я сел обратно.

— День выдался скверный, графиня, — сказал я. — и со-

бытия в квартире на Сретенском ещё не вышли у меня из головы.

— Полно вам, граф, — она снова подарила мне улыбку, — вы сделали всё верно, а вот я допустила ошибку, за что и была изгнана с обряда.

Я откинулся в кресле.

— Приятно осознавать, что члены ордена расколотой луны — это реальные люди, а не плод моего воображения.

Сердце начало биться сильнее.

— По поводу сов... — внезапно начала она. — Это вещицы птицы. Они прилетают тогда, когда пробуждается дар мага-телекинетика. А вы являетесь именно им.

Я кивнул. Так вот оно как всё обстоит.

— Диана, мне необходимо знать, что произошло в квартире на Сретенском, — твёрдо сказал я, — За этот день я прилично измотался, к сожалению, нет времени и желания вести обычные светские беседы, буду честен с вами. Прошу прощения.

Кажется, её обрадовала такая постановка вопроса.

Она вздохнула и повернулась ко мне полубоком. Упругие бёдра, что скрывались под тонкой, увесистой тканью атласного платья, привлекли моё внимание.

— Это даже к лучшему, — отметила она, сделав затяжку, — Дело в том, что я здесь нахожусь тоже неспроста, но обо всём по порядку. Да, мой граф?

— Диана Константиновна, при всём уважении, но я не

ваш граф.

— О, не переживайте на этот счёт, я подобное говорю скорее ради красного словца.

Диана выпустила дым изо рта.

— Ваше Сиятельство граф, можете отныне использовать телекинез, воздействовать на предметы на расстоянии. — она флегматично сбросила пепел. — Обязательно попробуйте на досуге и убедитесь в том, что всё получается. Но уверена, вы уже пробовали.

— Я полагал, что это была случайность.

— О, нет, нет, граф. Не случайность. — заверила она.

— А вы, получается, читаете мысли, графиня? — спросил я.

Она даже замерла и посмотрела на меня с удивлением.

— Вы верно полагаете, — лёгкая тень улыбки промелькнула на её лице, — Уже чувствуете, как отличать магов меж собой. Похвально. Я не могла этого сделать ещё целый месяц после инициации.

— И когда же вы стали членом Ордена расколотой луны, Диана?

— Буду честна с вами, — она опустила глаза, — совсем недавно. Два месяца назад.

— Вам тоже двадцать пять лет?

— У женщин дар проявляется раньше, гораздо раньше. Но полную силу набирает позже. Я стану так же сильна, как и вы примерно к двадцати шести годам. Ну а мой нынешний

возраст, я предпочту оставить в тайне. Намекну, — она сделала паузу, — я гораздо моложе вас.

Она выглядела так, словно ей было лет восемнадцать, не более. Для графини такой возраст означал только одно — поиск выгодного замужества. Причём, времени на это оставалось совсем мало.

Глянув на её изящную кисть руки, я понял, что дама не замужем. Кольцо отсутствовало.

Можно было бы предположить, что я не вижу кольцо под кружевной чёрной перчаткой. Но при первой встрече положено надевать кольцо поверх, чтобы собеседник понимал, с кем имеет честь.

— Я бы никогда в жизни не предположил, что вы телепат, если бы не один маленький нюанс, Диана.

— Какой же? — поинтересовалась она.

— Вы сказали то, чего знать не могли, — тихо произнёс я, — Откуда вы поняли, что Лесьяны не было на вокзале? Вы специально мне это сообщили, чтобы я не противился инициации?

Она прищурила глаза.

— Дело в том, граф, что я действительно располагаю определёнными знаниями, но сообщить вам их источник пока не имею права.

— Или не хотите?

— Поверьте, я бы с радостью поделилась, но увы, Орден расколотой луны — не поощряет подобное. Я и вовсе не

должна была приходить. Но мою появление здесь вынужденное.

Она выдержала недолгую паузу.

— Честно говоря, если бы у меня не было иного выхода, я бы и не пришла, — опустив голову, добавила она.

Поначалу, я подумал, что она погрузилась в глубокую печаль, но затем дама улыбнулась и посмотрела мне в глаза. Я ощутил силу её дара, графиня буквально оказалась у меня в голове. И я ничего с этим не мог поделать.

— Со временем, вы станете очень сильным, граф, — прошептала она, — и не будете пускать к себе в голову посторонних. Это легко, поверьте.

Я кивнул.

— Значит ответа на вопрос про графиню Романову я не получу?

Она опустила глаза, не желая отвечать на этот вопрос. Несмотря на то, что ситуация походила на обычную светскую беседу, я чувствовал напряжение в воздухе.

И мне это не нравилось. Особенно мне не нравилось то, что она лезла в мою голову. Уж не знаю делала она это осознанно или случайно, но мой гнев нарастал.

— Возможно, вы не знаете об этом, — сказала она, — но Орден нуждается в вас гораздо больше, чем вы в нём. И все ваши проблемы, долговые обязательства, всё это тлен по сравнению с тем будущим, что вам уготовано.

Она тут же осеклась.

— Только не говорите о моих словах никому!

— Видимо, правила светского этикета вам неведомы, графиня, — строго сказал я, — Ибо разговоры о чужих долгах и финансовом положении — моветон.

Я достал папиросу из портсигара и закурил.

— И да, я никому не расскажу, ни о вашем визите, ни о нашем разговоре, — продолжил я, — Ибо я не привык ставить знатных особ в неловкое положение.

Она сверлила меня взглядом, затем прищурилась. Из её рта медленно выходил белый дым папиросы. Графиня наклонилась вперёд, облокотившись на ногу.

— Спасибо, граф, — произнесла она с лёгкой хрипотцой, — Используйте свой шанс, спросите меня о чём угодно кроме Лесьяны, прошу. Я жажду вам многое рассказать, прежде, чем озвучу своё предложение.

Ну и ну, потрясающее отношение к беседе и ко мне, как к мужчине. С чего это я должен подчиняться её указаниям и что-то спрашивать? А если я не хочу ни о чём спрашивать?

— Графиня, вы забываетесь, вы у меня в гостях, и вы указываете мне, как вести себя в нашей беседе. Это тоже моветон.

— Прошу прощения, — спохватилась она, — но я не располагаю большим количеством времени.

— Тем не менее, я спрошу, — я нагнулся вперёд и начал испытующе смотреть ей в глаза, — Не потому, что вы мне сказали. А потому что сам желаю.

После этого я выдержал небольшую паузу и задал вопрос: — Вы можете сказать о чём я сейчас думаю?

Она замерла, глядя мне в глаза. В таком положении мы сидели какое-то время. Я чувствовал, как она пытается меня прочитать, но по какой-то причине у неё не получалось.

Это меня радовало. Возможно, я учусь быстрее, чем ожидалось.

— Вы молодец, молодой граф, сопротивляетесь, ставите барьеры, — констатировала она, — Но вы забываете о самом главном. Что я вам не противник. Ваши будущие оппоненты не будут к вам так ласковы, как я.

— С чего бы вам быть ласковой со мной? — прищурившись, спросил я.

Она огляделась по сторонам, будто опасалась чужих ушей. Но поблизости никого не было. И быть не могло.

— Мне не просто так запретили с вами встречаться, — вдруг она нарушила долгую тишину, — Дело в том...

Диана не договорила и полезла за новой папиросой. Я помог ей прикурить снова.

— Дело в том, что мы с вами находимся в нелёгком положении. По этой причине я позволила себе заговорить о ваших долгах.

— Уже интереснее, но я всё ещё не понимаю, — стараясь оставаться спокойным, прокомментировал я.

Получалось плохо. Внутри во мне всё закипало. Графиня была поистине прекрасна внешне, но такое чувство, что

отравлена изнутри. Причём, не по собственной воле.

Я не знал кто и чем её отравил. Но был уверен, что наш разговор не завершится на приятной ноте.

— Ваше Сиятельство, Павел Андреевич, мы оба нуждаемся в союзе, — рука её слегка тряслась, — Даме моего положения и статуса нельзя подобное предлагать. Но я вынуждена.

Она не стала раскрывать мысль и уточнять.

Диана выглядела уже гораздо увереннее и не прятала взгляд. А смотрела прямо, не мигая. Обворожительные тёмно-синие глаза скрывали от меня что-то очень важное.

И одновременно раздражали уверенностью в собственной правоте. Да кто она такая, чтобы приходить ко мне в имение, и вести себя здесь так, словно она мне нужна, как воздух?

Я откинулся назад, глядя ей в глаза и затянулся папиросой.

Союз? Она намекает на постель? Хочет от меня детей? Чтобы они были продолжателями нашего рода? Да кто она вообще такая? И почему она считает, что я обязан броситься ей в ноги?

— И, да, — она вытянулась стрункой, ещё выше задрав подбородок. — я свободная графиня, которая сама решает, с кем ей общаться. Старик мне не указ, ясно?

Я кивнул, подбирая слова для дальнейшего разговора. Давалось мне это с трудом. С одной стороны хотелось её выводить раз и навсегда. С другой стороны мне было инте-

ресно, что ещё она скажет.

И моя тактика испытующего молчания сработала. Графиня продолжила говорить.

— Давайте, всё-таки расставим все точки, — отложив мундштук, Диана скрестила руки на груди, — Это не предложение лечь с вами в постель.

— А что же тогда? Союз — это продолжение рода. Продолжение рода подразумевает соитие. Иначе никак. Или вы нашли какой-то новый способ? — издевательски спросил я.

Она сделала паузу.

— Вы... — она не находила, что сказать. — Вы...

— Что? Отвратителен?

— Самонадеянны! Самоуверенны!

— Возможно, но и вы не аленький цветочек, — парировал я.

— Может я не аленький цветочек, но я понимаю положение вещей. И я понимаю, что такое оказаться последней в своём роду.

— Учитывая это, я поражен, что мы так и не нашли общий язык.

— Я тоже поражена! — воскликнула она.

Повисла пауза, мы молча смотрели друг другу в глаза. Её ультрамариновые радужные оболочки засияли голубоватым оттенком. Кажется, я её серьёзно разозлил.

Ну и поделом дамочке. Нечего строить из себя не пойми кого.

— Мои братья, — продолжала она, — все погибли. Мой отец был убит в дуэли. Знаете, кто за этим стоит?

— Теряюсь в догадках, — безразлично отведя взгляд, ответил я.

— Беклемишев!

В этот момент я резко посмотрел ей в глаза и не нашёл там ни одного доказательства лжи. Она говорила искренне.

— Серьёзное заявление, Диана Константиновна. Вы готовы нести ответ за эти слова?

Я задал этот вопрос не потому, что не поверил. О, нет, как раз-таки в гнилой личине Беклемишева сомнений не было.

Я спросил, потому что хотел услышать больше. Я её намеренно провоцировал, что не делало мне чести, но остановиться я не мог.

В моём текущем положении, доверять кому-либо опасно. Необходимы проверки. Именно этим я сейчас и занимался. Графиня активно сопротивлялась.

Я чувствовал, что она многое скрывает. Как минимум про Лесьяну. Графиня Романова и вправду никуда не уехала? Это был обман? Или же Орлова вела какую-то свою игру?

— Вы хоть представляете, насколько пренебрежительны вы в данный момент?! — чуть ли не срывается на крик графиня.

— Ровно настолько, чтобы оставаться с вами откровенным.

— Вы думаете, я стала бы лгать о смерти своих родных и

близких, лишь бы втереться к вам в доверие? — она повысила тон. — Да у вас самомнение до небес! Вы просто... Вы просто...

Она вновь не находила слов от негодования.

— Да вы хоть понимаете, что я пришла с добрыми намерениями? Вы думаете, что я какая-то куртизанка, которая ищет удачного союза?! Вы думаете, что я вам предложила это без зазрения совести? Да мне, чтобы решиться понадобилось столько сил!

От возмущения она подняла брови, смотрела на меня выпученными глазами и активно жестикулировала.

— Знала бы я, что вы такой нахал, ни за что в жизни бы...

Я прервал её жестом руки.

— Диана Константиновна, прекратите, вы устраиваете балаган.

— Да вы с ума сошли! — графиня уже окончательно вышла из себя.

— Вы сказали, что вы много знаете. Расскажите о моём отце. Он состоял в Ордене?

— Вы и правда думаете, что я готова продолжать этот разговор?

Я сделал лицо попроще и наклонился вперёд.

— Диана, и вы меня поймите, я знаю вас даже не полный день. Представьте, что я бы пришёл к вам с подобными предложениями. Как бы вы отнеслись?

Она слегка осела, поглядывая на меня искоса, с недовери-

ем. При этом стала гораздо спокойнее.

— Возможно, вы правы.

Она залезла в карман и протянула мне какую-то бумагу.

— Я знаю о вашем отце немного, — сообщила она, — Это дозволение.

— Что за дозволение? — поинтересовался я.

— Вы сможете с ним попасть в архив Императорской академии истории и права. Там вы убедитесь в том, что Беклемишев — это зло во плоти. Вы ещё не встречали людей, которые творят зло, оставаясь настолько безнаказанными.

Я забрал бумагу и положил её во внутренний карман жакета.

— Орловых и Евграфовых целенаправленно травили, уничтожали, — грустно добавила она, — Мы потеряли очень многое. Имущество, мануфактуры. Но самое главное, что вернуть уже нельзя — родных.

— Не знаю о чём речь, госпожа Орлова, но мой отец и дед погибли во время поездки в мобиле. Они упали в реку, когда ехали под Тверь. Я об этом узнал, когда служил в шестом стрелковом полку его императорского величества.

Она вскинула брови.

— Так вы военный?

— Не делайте вид, что вы не знали об этом.

Она улыбнулась.

— Вам нужно заглянуть в архив.

— Я сам разберусь, что мне нужно! — оскалился я.

Она приподняла брови.

— Диана Константиновна, вы думаете, что можно приходить в имение посреди ночи и вот так себя вести? Предлагать мне странные вещи, в расчёте на то, что соглашусь и буду благодарен по гроб жизни? Вы ошибаетесь.

— Я не...

— Пожалуйста, покиньте моё имение, — прервав её, твёрдо попросил я, — Мне необходимо всё обдумать, а самое главное, наконец принять ванную.

Выражение её лица резко изменилось. Она помрачнела и убрала мундштук.

— Что ж, я могла бы стерпеть колкости про возраст или про положение. Но терпеть унижения, когда приходишь с благими намерениями... — она встала. — До свидания, Павел Андреевич.

— Вы хотели сказать «прощайте»?

— Я сказала всё, что хотела. Если вы такой непрошибаемый человек, не имеющий никакого сострадания к своему и чужому горю, то я зря к вам пришла. Очень зря. Жаль, что именно это прочитывать нельзя, будучи телепатом. К сожалению, истинное лицо люди показывают далеко не сразу. А хотелось бы наоборот.

С этими словами она встала, но пока не уходила.

— И да, если в вас вдруг проснётся совесть, то рекомендую обратить внимание на две фамилии: Черкасов и Бессер, — она вздохнула, — У нас больше общих врагов, чем вы

можете себе представить. И если до Беклемишева мы пока добраться не в состоянии, то до этих двух...

Она не закончила, развернулась и ушла.

Я проводил её взглядом, Диана спешно покинула моё имение, села в свой мобиль. Тот быстро скрылся за поворотом.

Она была права. На самом деле в моей голове было давно посеяно зерно сомнения. Другое дело, что я не хотел ей открыто показывать свои чувства.

Я не до конца ей доверял. Даже, если она была прилежной дамой, которая бдит собственную честь, всегда был риск.

На душе остался неприятный осадок. Возможно, мне не следовало быть с ней настолько суровым. Всё-таки — это ранимая девушка с искренним взглядом. Ещё не до конца испорченная светскими играми.

Другая на её месте скрывала бы свои намерения. В ней же я не видел ни грамма фальши. У меня не возникало чувства, будто она хоть в чём-то солгала.

Впрочем, мои чувства могли быть обманчивы.

Софья вышла на веранду, чтобы убедиться, что всё в порядке.

— Уже спровадили даму, Павел Андреевич?

Я посмотрел на пепельницу, где лежала папироса марки Волле Империял.

— До одиннадцати утра меня не беспокоить. — сказал я. — Даже если придёт императорская милиция, пусть подождут. Я хочу наконец выспаться.

Я поднялся с дивана и с радостью скинул жакет, в котором успел вспреть.

— И приготовь мне срочно мыльню.

— Слушаюсь, Павел Андреевич.

Через тридцать минут я погрузился в прекрасный мир чистоты и тепла. Отмывшись от налёта прошедшего дня, я всё-таки улёгся в гостевой, так как привык к чистоте. Наверх подниматься не хотелось.

Уснуть не удавалось. В голове крутились самые разные мысли. Диана назвала две фамилии, которые мне казались знакомыми: Черкасов и Бессер.

И лишь к полуночи я осознал, что эти фамилии мне встречались ранее.

Они фигурировали в сфабрикованных делах против моей мануфактуры.

Глава 4: Тайная фабрика

В ночи я просыпался неоднократно. Несмотря на это, утро оказалось прекрасным. На прикроватной тумбе в гостевой лежал портсигар полный папирос.

Я радостно закурил свои любимые Раухен Шмидт и улыбнулся.

Погода яркая, солнечная, ничего не хотелось делать. Разве что сходить на променад.

Да дамочку какую-нибудь знатную прихватить с собой. Наверняка в моей почте есть пара свежих приглашений от тайных поклонниц.

В следующий момент я захотел, чтобы эти письма оказались у меня на руках. Тогда не пришлось бы выходить из комнаты.

И только откинулся на кровати и затаился папиросой, как услышал громкий удар в дверь.

Тут же подскочил и нахмурился. Софья стучала иначе. Здесь же, словно кирпич бросили.

Я подошёл к двери, открыл её и увидел внизу пачку писем, стянутую полотняной верёвкой. Когда я поднял их, понял, что это письма от поклонниц.

Ну ничего себе!

Я оглядел парадную часть холла и заприметил на другом конце сорочку за приоткрытой дверцей шкафа.

Если Диана оказалась права, и мой дар окончательно пробудился, то...

Не успел я подумать, как сорочка вылетела из шкафа словно пробка из бутылки шампанского. Её мгновенно подбросило под потолок, после чего она запуталась в люстре.

Ошалевшая Софья, выглянула с лестничного пролёта на втором этаже.

— Да когда же это всё закончится? — всплеснула руками она.

— Доброе утро, Софья, — лучезарно улыбнулся я.

— И вам не хворать, Павел Андреевич. Совы снова здесь!

— А я и не сомневался.

Она громко выдохнула и спустилась вниз, чтобы вручить мне какой-то конверт.

— Это вам.

— Что это?

В моих руках оказался светло-голубой конверт с золотым тиснением. Очень красивый узор. Я, как любитель живописи, оценил по достоинству.

— Мне почём знать? — отвечала она. — Я по-вашему вскрываю конверты и читаю вашу почту?

Я ничего не ответил.

— Завтрак вас ждёт в обеденной. Идите, а то всё остынет! — бросила Софья.

В желудке предательски заурчало. Я толком не ел весь вчерашний день и сильно проголодался. Не помню, как ока-

зался в обеденной, но очнулся уже перед пустыми тарелками.

Я съел чрезмерно много. Из-за тяжести в желудке появился соблазн вернуться обратно в койку, но я себя пересилил.

Нельзя.

Набросил домашнее и поднялся на второй этаж к совам. Прелестные создания встретили меня удивлёнными взглядами. Вокруг царил хаос. Одна из серых совушек сидела на подушке и выдирала из неё пух.

Часть этого пуха она засовывала себе под перья, что выглядело крайне комично.

Внезапно меня посетила совершенно крамольная мысль. А могу ли я воздействовать на сову? Могу ли подбросить её, как сделал это с сорочкой?

Да, это жестоко, но любопытство распирало. Я усталился на одну из сов. Выбрал случайную. И начал представлять, что она подлетает к потолку. Представлял аккуратно, главное не травмировать птицу.

Но увы, ничего не произошло. Сколько я ни пытался, ни одна сова не сдвинулась с места. Они даже ехидно поглядывали на меня, будто понимали, что я пытался сделать.

На живых существ не действует, подумал я. Либо, я недостаточно силен. Одно из двух.

Я уселся за стол, на плечо тут же села белая сова и стала меня пристально изучать. Однако, я согнал её, чтобы не мешала и приступил к делам.

Первые же бумаги, что попались на глаза, и я вижу фамилию Черкасов. Тот ли это Черкасов, о котором говорила Диана? Проверяю, и всё совпадает. Да, это прихвостень Беклемишева.

И, судя по исковому заявлению, он претендует на весьма крупную сумму. Хочет завладеть аж тридцатью процентами доли от мануфактуры.

Понятно, сговор заинтересованных лиц. Беклемишев через императорский двор обрушивает стоимость акций мануфактур. Затем они находят формальный повод подать в суд.

И уже когда предприятие стоит копейки, выкупают его. Маскируя это под благодетель.

Я докурил папиросу до конца и обнаружил, что оставил портсигар внизу. Тут же представил себе, как он прилетает на второй этаж и вытянул руку.

Пару мгновений спустя он влетел в кабинет, задел дверной косяк, раскрылся и все содержимое рассыпалось.

В руке оказался пустой портсигар, а совы ломанулись клевать и рвать папиросы. Я выдохнул.

— Мда, придётся потренироваться.

Одна из папирос удачно упала на стол, я закурил именно её. Затем продолжил изучать дела.

Ага, а вот и Бессер. Чёрт, неужели Диана была настолько откровенна? Неужели, она и вовсе ничего не скрывала?

Поначалу я подумал, что она хочет использовать меня как таран. Моё отчаянное положение располагает. Но, похоже, у

нас с ней действительно общие враги.

Фамилия Бессера фигурировала в трёх бумагах. Итого семь вместе с Черкасовым. Если я решу проблему с этими двумя, закрою больше половины вопросов с мануфактурой. Дышать станет легче.

У меня нет законных инструментов воздействия на них. Беклемишев будет оберегать каждую свою ручную собаку. Но я могу действовать тайно. Скрытно.

Как я это делал во время диверсий в полку. Те годы научили меня двум очень важным вещам: терпение и точность удара всегда важнее, чем сила и его мощь.

Безусловно, сам удар не должен быть слабым. Но и запретельная сила не требуется. Это как в боксе.

Хлёсткий, резкий удар, что не виден, сваливает наповал даже самых больших противников.

Разумеется, бить я намеревался в переносном смысле. Я не могу прийти и начать махать кулаками во все стороны. Нет. Меня попросту прижмут к стенке. Тем более, что Бессер — двухметровый амбал с лицом уголовника. Такого ночью встретишь — через дорогу перейдёшь.

Закончил с бумагами я куда быстрее, чем рассчитывал. Нет никакого смысла готовить ответные меры, эти вопросы будут решаться совершенно иначе.

— Софья, вызови Гену. Мне пора выезжать.

* * * * *

Когда я начал изучать архивные карточки в Императорской академии истории и права, я пришёл в ужас.

В первую очередь от того, насколько легко по дозволению получить доступ практически ко всем бумагам.

Во вторую очередь от вседозволенности банды Беклемишева. Тут же я наткнулся уже на знакомые фамилии: Черкасов, Бессер. Они присутствовали практически во всех незаконных делах о присвоении.

Впрочем, с точки зрения права, всё было абсолютно законно. Истец забрал заявление, а также подписал все бумаги о передаче имущества.

Интересно, как так получается, что сначала истец подаёт заявление, а потом не только его отзывает, но и избавляется от имущества, будто оно прокажённое?

Вопрос риторический.

Методы ведения дел Беклемишевым сквозили повсюду.

«Дело о незаконном присвоении металлургической мануфактуры Шилле. Закрыто из-за неявки истца».

«Дело о незаконном присвоении текстильной мануфактуры Абрамов. Закрыто за отсутствием состава преступления».

Поразительно. Диана не лгала.

Всё, как на ладони. Они даже не скрываются. Чувствуют себя неуязвимыми и безнаказанными.

Романов подключился к банде Беклемишева относительно недавно. Видимо, его основательно прижали, когда выяс-

нилось, что сеть публичных домов, которой он владел, существует не совсем законно.

А ведь я раньше уважал Романова. Ненавидел и уважал. Вениамин Аристархович был жёсткий мужик. Со стержнем. Теперь же и он под Беклемишевым.

Но самое интересное меня ждало впереди, когда я добрался до дела о смене владельцев хлебозавода.

Ведь этот хлебозавод в Москве когда-то принадлежал моему роду. Роду Евграфовых. Цепочка событий свершилась, когда я отправился служить в шестой стрелковый полк императорской регулярной армии. Все четыре года, что я там находился, отец с дедом вели праведную борьбу с Беклемишевыми.

А я даже не подозревал.

Хлебозавод в итоге отвоевать не удалось, но зато они смогли выстроить практически нерушимую защиту вокруг оставшегося имущества.

А именно: имения на бульварном кольце столицы, загородной резиденции, шерстопрядильной мануфактуры, а также...

Я не поверил своим глазам.

А также оружейной фабрики «Гутен Ваффен», некогда построенной немцами, но перешедшей в последствии Евграфовым. Статус фабрики: «не действующая». Тем не менее, она всё ещё в собственности. Её можно было найти, увидеть собственными глазами и даже вновь запустить производство.

Её статус обуславливался лишь юридической процедурой. А по факту она была полностью работоспособной. По крайней мере так было написано.

Находилась под Тверью.

Я задумался. Судя по материалам дела, фабрика ранее могла закрывать огромные заказы на поставки оружия. Возобновить производство — лишь вопрос ресурсов, коих у Беклемишева достаточно.

Как так получилось, что он смог перехватить хлебозавод, при этом упустить фабрику по производству оружия? Немыслимо.

Когда я шёл обратно к мобиле, мысли хаотично копошились в голове.

Почему в табеле о наследстве не было ни слова об этой фабрике, притом, что контрольный пакет акций у меня? Откуда вообще у фабрики могут быть акции, если она не является действующей? Парадокс.

Почему отец никогда и ничего не говорил об этой фабрике?

Как удалось сохранить владение, если Беклемишев так влиятелен?

Может быть не так влиятелен?

— Гена! — на повышенных тонах сказал я, — Едем срочно под Тверь!

— Ого, Павел Андреевич, а к чему такая спешка? Топлива может не хватить...

— Тогда на ближайшую станцию снабжения мобилей и в Тверь. Это вопрос жизни и смерти!

— Будет сделано, Павел Андреевич. — улыбнулся Гена.
— Любой ваш каприз, как говорится.

— О, Гена, это не каприз. Это вопрос выживания Евграфовых, — прошептал я.

* * * * *

По дороге я достал голубой конверт из кармана, что мне передала Софья утром, и прочёл, что там написано.

«Павел Андреевич Евграфов, 24 июня я приглашаю вас на ежегодный бал-маскарад «Лунная ночь», который пройдёт по адресу Манежная площадь дом 1 в 00:00 часов. Ночной костюм и маска обязательны.

Анастасия Горчакова».

Я не раз приходил на бал-маскарад «Лунная ночь», но в последние годы пропускал. Не интересно, да и не до этого было.

Теперь же я там обязан появиться. В «Лунную-ночь» соберётся вся аристократия не только Москвы, но и Петербурга. А значит там будет Бессер и Черкасов, и даже Беклемишев. От этой мысли у меня сердце забилося быстрее, а на лбу выступила испарина.

Лучшего момента, чтобы избавиться от нескольких иско-вых и не придумаешь. Я улыбнулся. Но какой ценой? Я пока не знал.

Дорога до Твери оказалась довольно долгой и утомительной, поэтому я уснул. Проснулся, когда Гена меня окликнул.
— Павел Андреич, мы на месте.

Я обнаружил, что распластался на диване, шея затекла, поясница тоже. И зачем я только уснул? Только хуже себя чувствую.

Июньское солнце превратило мобиль в парилку на колёсах. Я поднялся, вытер пот рукавом и огляделся по сторонам. Кругом чистое поле.

Где-то вдалеке берёзы едва покачивались на ветру. Пара одиноких сосен высились возле песчаной дороги. Я повернулся в противоположную сторону, тёмная полоска хвойного леса виднелась на горизонте. Мимо пролетела ворона.

— Гена, ты куда меня привёз?

— Как куда? Куда было сказано, туда и привёз, Ваш Сиятельство. Еле нашёл эту дорогу. Спрашивал у всех прохожих под Тверью.

Это же пустырь. Просто пустырь. Мы зря приехали.

— Дай карту, Ген. — скомандовал я.

Он протянул мне бумагу, я уставился на неё. Но быстро понял, что я же проспал всю дорогу. Что я пытался там найти?

— Нашли, Павел Андреич? — издевательски спросил Терентьев.

— Нет, конечно! — гаркнул я. — Где мы вообще?

— Мы, Павел Андреич, находимся с вами здесь, — Гена

тыкнул пальцем в карту.

Яснее не стало.

— Ладно, — потягиваясь, сказал я, — давай что ли выйдем, разомнём кости. Поездка была долгая.

Мы оба вывалились наружу, летний ветер растрепал мои волосы после того, как я снял картуз. Гена начал крутить тазом и делать упражнения. Я осуществил пару наклонов, похрустел шеей, покрутив головой в разные стороны.

Вот теперь гораздо лучше.

Достал папиросу из портсигара и закурил, протянул Гене, тот улыбнулся и охотно принял моё предложение. Минут пятнадцать мы стояли, смотрели в поле, наслаждаясь моментом.

— Вот бы отец, Ваше Сиятельство, был здесь рядом с нами. Он бы точно спланировал строительство мануфактуры. Прямо посреди поля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.